

Оба засмеялись, сквозь заросли они увидели, как человек исчез в глубине древнего леса. Линь Юньшэнь закинул Мистический меч за спину, и капля крови на нем медленно исчезла, словно впиталась в клинок. Лес был мрачным и густым, уже наступила глубокая осень, и в воздухе витала холодная сырость. В лесу было так тихо, что слышался только шум ветра и хруст листьев под ногами. В этой тишине Линь Юньшэнь остановился, напевая, и сорвал лист с дерева. Его пальцы, хотя и тонкие, были невероятно ловкими, и вскоре он сделал из листа свисток. Поднеся его к губам, он заиграл мелодию, которая разорвала тишину леса, и в ответ из глубины леса раздались душераздирающие крики. Чем громче были крики, тем активнее он играл, и в его глазах вспыхивал алый свет, который затем исчезал, и он смеялся.

В конце концов, это были всего лишь неопытные юнцы, которые даже не заметили, что он наложил на них проклятие. Злой даос Цанцин Линь Юньшэнь мог убить даже с помощью одного листа или цветка.

Он бросил свисток и достал из кармана мешочек с восемью триграммами, чтобы собрать души. Затем он выдохнул, и его лицо снова сияло беззаботностью, он запел песенку и пошел вниз по склону горы.

Добравшись до подножия горы Цанцин, Линь Юньшэнь решил переночевать в местной гостинице. Пошарив в карманах, он понял, что Ян Люи, чье тело он занял, был беден, и деньги у него закончились. Тогда он осмотрел навес перед гостиницей и выбрал цель.

Человек, которого он заметил, выглядел изысканно и явно не был простолюдином. Хотя он пытался скрыть свою личность, одежда его была неброской, но пояс с нефритовой подвеской и меч из черного железа выдавали в нем человека из Сюаньмэнь, причем из знатного рода. Однако Линь Юньшэнь не мог определить, из какой именно семьи. Но это не имело значения. Ученики Сюаньмэнь имели традицию помогать друг другу в пути, не ожидая вознаграждения — это называлось «дружбой единомышленников».

Линь Юньшэнь осмотрел себя, убедился, что выглядит убедительно, и, немного подумав, подошел к столу, снял меч со спины и громко поставил его на стол. Меч, который он нес, был слишком хорош для такого слабого даоса, как Ян Люи. Сейчас он был лишен сил, обычный человек с болезненным телом, и меч казался ему непосильной ношей.

Человек за столом, увидев меч, сложил руки в жесте приветствия и кивнул. Линь Юньшэнь сел и с улыбкой сказал:

— Дорогой брат, я слишком долго был в пути, и у меня закончились деньги. Не мог бы ты одолжить мне немного? Меня зовут Ян Люи, я из...

Он не успел закончить, как собеседник смущенно улыбнулся:

— Мне очень жаль, но я тоже слишком долго был в пути, и у меня почти не осталось денег. Вот эти несколько монет — я занял их у других.

Он показал свой кошелек, в котором было действительно скудно:

— Может, подождешь немного, пока мой учитель...

Он не успел договорить, как на стол упал кошелек:

— Брат, бери что хочешь.

Линь Юньшэнь обернулся, чтобы поблагодарить, и замер.

За ним стояла группа учеников Сюаньмэнь, и тот, кто дал ему кошелек, был молодым парнем его возраста. Но что действительно пугало, так это то, что они были из Сичжоу.

Говоря о Сичжоу, вряд ли кто-то не знал об этом месте. Если среди современных семей Сюаньмэнь Сичжоу называл себя вторым, никто бы не осмелился назвать себя первым.

В то время искусство Сюаньмэнь процветало, появились такие направления, как Бэйчуань, Чанчжоу, Учэн и Сичжоу, которые составляли четыре основные школы талисманов. Бэйчуань следовал школе Цзишань, которая проповедовала «просвещение и добродетель», их талисманы были самыми эффективными для привлечения удачи и благословения. В этой школе были только женщины, и все они были невероятно красивы. Чанчжоу следовал школе Фулу, специализирующейся на изгнании злых духов, их талисманы были более агрессивными. Школа Учэн изначально была ответвлением школы Даньдин, которая стремилась к бессмертию через алхимию, и когда-то была очень влиятельной, но сейчас её слава угасла. Эти три школы были независимыми, но все они происходили из одного источника — семьи Лу из Сичжоу.

Школа Сичжоу следовала учению Сюаньчжэнь, подчеркивая постижение «истины» и стремление к простоте. Они также были известны своими искусствами — музыкой, каллиграфией, живописью и поэзией, поэтому их называли «конфуцианским даосизмом» или «путем изящества». Они славились своей чистотой и пользовались большим уважением, считаясь прародителями семей Сюаньмэнь. По мере того как учеников Сичжоу становилось больше, их учения разделились на талисманы, Золотую пилюлю и другие ответвления. Сичжоу охватывал самые разные области: ритуалы, заклинания, алхимию, медицину и многое другое, являясь самой важной семьей Сюаньмэнь в глазах императора.

Но для Линь Юньшэня Сичжоу был всего лишь группой лицемеров, которые скрывали свою истинную сущность под маской благородства. Ученики Сичжоу, гордясь своим происхождением, вели себя высокомерно и давно утратили дух конфуцианского даосизма. Главой школы Сичжоу был Лу Чжэндао, и поскольку его сестра Лу Сюньин вышла замуж в семью Хань, отношения между Хань и Лу были очень тесными. Линь Юньшэнь вырос в семье Хань и знал многих учеников Сичжоу. Он мог поссориться с Лу Юаньхэ, единственным сыном Лу Чжэндао, при первой встрече, и Хань Циньчуань называл их «заклятыми врагами». А тетья Лу Юаньхэ, мать Хань Циньчуаня Лу Сюньин, погибла от его руки. Теперь, столкнувшись с представителями семьи Лу, он должен был быть осторожен.

Он быстро достал из кошелька один слиток серебра:

— Этого достаточно, спасибо.

Молодой человек не стал спрашивать больше, просто взглянул на него, убрал кошелек и отошел. Его холодное поведение было типичным для учеников семьи Лу. Прошло столько лет, а ученики Сичжоу по-прежнему были самыми щедрыми. Но почему они оказались у подножия горы Цанцин? Сичжоу находилось как минимум в двух неделях пути отсюда. Не могло быть, что они прибыли сюда сразу после его воскрешения. Вероятно, они уже были поблизости. Узнали ли они о его возвращении, или это было просто совпадение?

Линь Юньшэнь сжал серебро в руке и направился в гостиницу.

Хотя он предполагал, что ученики Сюаньмэнь тоже переночуют здесь, ночь уже наступила, и найти другую гостиницу было бы сложно. Придется остаться здесь.

Гостиница была небольшой, на двери висел указ о поимке, но на нем был изображен он в прошлом, и его нынешний облик сильно отличался. За свою прошлую жизнь он видел слишком много таких указов, чтобы удивляться. Внутри было просторно, окно кухни было открыто, и толстый повар разделявал курицу, кровь брызгала во все стороны. Хозяйка, крупная женщина, стояла подбоченясь и ругалась:

— Неужели нельзя было сделать это во дворе? Весь пол в крови, ты отпугиваешь гостей!

Повар, не обращая внимания, улыбался, его лицо сияло от жира:

— Хозяйка, посмотри, сколько учеников Сюаньмэнь приехало. Видимо, в наших краях завелась нечисть. Кровь на полу поможет отпугнуть злых духов!

— Хватит болтать, убирай всё, и без того душно, а тут еще и запах крови!

Хозяйка обернулась и увидела Линь Юньшэня, сразу же поменяв гнев на милость:

— юный даос, вы хотите остановиться здесь?

— Есть свободные номера?

— Есть, наверху есть уютная комната!

Линь Юньшэнь поднялся с хозяйкой, спрашивая по пути:

— Хозяйка, я слышал ваш разговор. В этих краях завелась нечисть?

Хозяйка улыбнулась:

— Не знаю, есть ли здесь нечисть, но с вчерашнего дня приехало несколько групп учеников Сюаньмэнь. Вы ведь тоже из их числа, разве вы не знаете? А еще спрашиваете меня?

— Я всего лишь пришёл позабавиться и составить компанию.

Едва он закончил говорить, как во дворе кто-то крикнул:

— Хозяин, есть свободные номера?

Хозяйка поспешно открыла дверь одной из комнат:

— Даос, присаживайтесь внутри, я спущусь встретить гостей. Если что понадобится — зовите.

— Спасибо.

<http://bllate.org/book/16677/1530200>